

Diana Oboleńska
Gdańsk

Антропософский странник Николай Белоцветов

*Если бы можно было,
Перелетев столетья,
Перелетев могилы,
В теле восстать ином.*

Н. Белоцветов¹.

Работая над наследием Андрея Белого, я наткнулась на фамилию Николая Белоцветова, появившуюся в воспоминаниях русского символиста. Поэт, писатель, переводчик, член Антропософского общества Белоцветов, сведения о котором на сегодняшний день практически недоступны, совершенно затерялся на страницах исследовательских работ по истории литературы. Однако, копаясь в антропософском архиве в Дорнахе (Швейцария)², мне удалось отыскать письма Белоцветова к Марии фон Сиверс (второй жены Рудольфа Штейнера). Неоконченный роман писателя *Коммуна пролетарских миссионеров*, находящийся в архиве эмиграционной литературы в Российской государственной библиотеке в Москве³, две брошюры *Духолюбие* и *Пути России*, а также сборник стихов *Шелест*, хранящиеся в Латвийской государственной Библиотеке⁴, материалы, изданные Федором Поляковым в книге *Дневник изгнания*⁵, и книга Ренаты фон Майдель „*Vor dem Thore*“: *Ein Vierteljahrhundert Anthroposophie in Russland*⁶ – вот одни из немногих доступных сегодня источников.

¹ Н. Белоцветов, *Если бы можно было...*, в: тот же, *Дневник изгнания*, издание подготовил Ф. Поляков, Frankfurt am Main 2006, с. 81.

² Dornach, Rudolf Steiner Archiv, Russische Briefe an Marie von Sivers.

³ Российская государственная библиотека в Москве, архив эмиграционной литературы: Н. Белоцветов, *Коммуна пролетарских миссионеров*, место и год издания не указан (шифр А1050,801-88/10574-6).

⁴ Latvijas Valsts Biblioteka: Н. Белоцветов, *Пути России*, Берлин 1921 (шифр: 2Кв/33214), Н. Белоцветов, *Духолюбие*, издание автора 1932 (шифр: К/67-9/3025), Н. Белоцветов, *Шелест*, второй сборник стихов, М. Ditkovska izdevniecība 1936 (шифр: К/67-9/3026).

⁵ Н. Белоцветов, *Дневник изгнания...*

⁶ R. von Maydell, „*Vor dem Thore*“: *Ein Vierteljahrhundert Anthroposophie in Russland*, Bochum 2005.

Написанная на основе этих материалов статья об антропософском страннике-эмигранте вписывается в систему более широкого исследования, проводимого гданьскими русистами и касающегося темы эзотеризма в русской культуре перелома XIX и XX вв.⁷ Указанный проект припоминает и приближает читателю такие фамилии культурной среды Серебряного века как: Максимилиан Волошин⁸, Михаил Кузмин⁹, Владимир Соловьев¹⁰, Андрей Белый¹¹, Петр Успенский¹², Пимен Карпов¹³, Вера Крыжановская (Рочестер)¹⁴, Александр Скрябин¹⁵, Михаил Чехов¹⁶,

⁷ Работа над заданной темой и растущее число исследований привело к появлению цикла названного *Свет и тьма (Światło i ciemność. Motywy ezoteryczne w kulturze rosyjskiej początku XX wieku)*. На сегодняшний день вышло три тома статей. Полное содержание томов находится в книге: M. Rzeczycka, *Wtajemniczenie. Ezoteryczna proza rosyjska końca XIX – początku XX wieku*, Gdańsk 2010.

⁸ См.: I. Fijałkowska-Janiak, *Максимилиан Волошин как масонский писатель*, в: *Światło i ciemność. Motywy ezoteryczne w literaturze rosyjskiej przełomu XIX i XX wieku*, pod red. E. Biernat, Gdańsk 2001.

⁹ E. Biernat, *Wielki Mag. Motywy wolnomularskie w twórczości Michaiła Kuzmina*, w: *Światło i ciemność. Motywy ezoteryczne w literaturze rosyjskiej przełomu XIX i XX wieku*, pod red. E. Biernat, Gdańsk 2001.

¹⁰ M. Rzeczycka, *Sofiologia Władimira Sołowiowa i jej dziedzictwo*, w: *Światło i ciemność. Motywy ezoteryczne w literaturze rosyjskiej przełomu XIX i XX wieku*, pod red. E. Biernat, Gdańsk 2001; M. Rzeczycka, *Fenomen Sofii – Wiecznej Kobiecości w prozie powieściowej symbolistów rosyjskich*, Gdańsk 2002.

¹¹ D. Oboleńska, *Посланник космоса. Мотив Архангела Михаила в романе Андрея Белого „Крещеный китаец”*, в: *Światło i ciemność. Motywy ezoteryczne w kulturze rosyjskiej początku XX wieku*, t. II, pod red. E. Biernat, M. Rzeczyckiej, Gdańsk 2006; D. Oboleńska, *Путь к посвящению. Антропософские мотивы в романах Андрея Белого*, Gdańsk 2009; T. Корас, *Миф Вагнера и Андрей Белый*, в: *Wokół wizji i fascynacji Srebrnego wieku*, pod red. F. Aranowicza, M. Rzeczyckiej, Gdańsk 2006; T. Корас, *Мистицизм звука в критической прозе Андрея Белого*, в: *Światło i ciemność. Motywy ezoteryczne w kulturze rosyjskiej początku XX wieku*, t. III, pod red. D. Oboleńskiej, M. Rzeczyckiej, Gdańsk 2009.

¹² M. Rzeczycka, *Okultysta Piotr Uspienski i jego powieść „Кинемодрама (не для кинематографа)”*, w: *Światło i ciemność. Motywy ezoteryczne w kulturze rosyjskiej początku XX wieku*, t. II, pod red. E. Biernat, M. Rzeczyckiej, Gdańsk 2006.

¹³ K. Arciszewska, *Niebo i piekło w dramacie „Три зари” Pimiена Karpowa*, w: *Światło i ciemność. Motywy ezoteryczne w kulturze rosyjskiej początku XX wieku*, t. II, pod red. E. Biernat, M. Rzeczyckiej, Gdańsk 2006.

¹⁴ K. Arciszewska, *Echa gotycyzmu w powieści „Заколдованный замок” Wiery Krzyżanowskiej (Rochester)*, w: *Wokół wizji...: K. Arciszewska, Okultystyczny wymiar wampiryzmu w trylogii Wiery Krzyżanowskiej (Rochester) „В царстве тьмы”*, w: *Światło i ciemność. Motywy ezoteryczne w kulturze rosyjskiej początku XX wieku*, t. III, pod red. D. Oboleńskiej, M. Rzeczyckiej, Gdańsk 2009.

¹⁵ T. Корас, *Музыка начала XX века в поисках духовного обновления. Александр Скрябин*, в: *Światło i ciemność. Motywy ezoteryczne w kulturze rosyjskiej początku XX wieku*, t. II, pod red. E. Biernat, M. Rzeczyckiej, Gdańsk 2006.

¹⁶ J. Ormińska, *Михаил Чехов – антропософ. Письма Виктору Громову*, в: *Światło i ciemność. Motywy ezoteryczne w kulturze rosyjskiej początku XX wieku*, t. II, pod red. E. Biernat,

Ида Рубинштейн¹⁷, Василий Кандинский¹⁸, Борис Леман¹⁹, Маргарита Сабашникова²⁰, Черубина де Габриак²¹. В приведенный ряд фамилий входит так же Николай Белоцветов.

„То, что давалось прежним поэтам через вдохновение, ныне может быть отвоевано от смерти только через страдание”, – напишет поэт²². На этом уровне понимания поставил писатель всю свою литературную деятельность и жизненные принципы. Сегодня появляющийся в основном только при воспоминаниях о поэтах символизма, таких как Белый, Белоцветов был в начале XX века известным антропософским деятелем в России, а потом также в эмиграции. Прежде всего был антропософом, а его литературное наследие является результатом взгляда на мир через призму идей Рудольфа Штейнера.

Родился Белоцветов в Санкт-Петербурге в 1892 г. По окончании Петербургского университета, в который поступил в 1909 г. на отделение философии, Белоцветов продолжал заниматься развитием собственных идей. Сам он заявлял, что интерес к оккультным течениям, и в том числе к теософии, появился у него в возрасте 15 лет. Однако действительный переломный момент, решающий его последующую деятельность, наступил в 1913 г., во время цикла лекций Штейнера в Гельсингфорсе на которых присутствовал Белоцветов. Встреча с австрийским оккультистом оказалась поводом для новых размышлений и принятых далее решений. Во-первых, в 1913 г. он становит-

M. Rzeczyckiej, Gdańsk 2006; J. Roguska, *Antropozoficzna wizja teatru. Michał Czechow i Andrzej Bieły w scenicznej adaptacji „Petersburga”*, w: *Wokół wizji...*

¹⁷ Z. Krasnopolska-Wesner, *Kleopatra „Rosyjskich sezonów” Ida Rubinstein*, w: *Wokół wizji...*

¹⁸ Z. Krasnopolska-Wesner, *Ezoteryzm w malarstwie rosyjskim początku XX wieku*, w: *Światło i ciemność. Motywy ezoteryczne w kulturze rosyjskiej początku XX wieku*, t. II, pod red. E. Biernat, M. Rzeczyckiej, Gdańsk 2006; D. Oboleńska, *Дух в материи. Василий Кандинский и Рудольф Штейнер*, w: *Wokół wizji...*; D. Oboleńska, *Фиолетовый в желтом. Сценические композиции В. Кандинского и антропософия Р. Штейнера. Часть первая. Визуализация*, w: *Światło i ciemność. Motywy ezoteryczne w kulturze rosyjskiej początku XX wieku*, t. III, pod red. D. Oboleńskiej, M. Rzeczyckiej, Gdańsk 2009.

¹⁹ E. Biernat, *Ezoteryczna misja Borisa Lemana*, w: *Światło i ciemność. Motywy ezoteryczne w kulturze rosyjskiej początku XX wieku*, t. III, pod red. D. Oboleńskiej, M. Rzeczyckiej, Gdańsk 2009.

²⁰ M. Rzeczycka, *Оккультистки Серебряного века. (Теософия и окрестности)*, w: *Światło i ciemność. Motywy ezoteryczne w kulturze rosyjskiej początku XX wieku*, t. III, pod red. D. Oboleńskiej, M. Rzeczyckiej, Gdańsk 2009; Z. Krasnopolska-Wesner, *Antropozoficzne obrazy Margarity Sabasznikowej*, w: *Światło i ciemność. Motywy ezoteryczne w kulturze rosyjskiej początku XX wieku*, t. III, pod red. D. Oboleńskiej, M. Rzeczyckiej, Gdańsk 2009.

²¹ E. Biernat, *Дорога до света. Елизавета Васильева и антропозофия*, w: *Literatury Wschodniosłowiańskie w kręgu europejskich idei estetyczno-filozoficznych*, pod red. A. Wiczorek, Opole 2007.

²² Н. Белоцветов, *О судьбах русской поэзии*, в: тот же, *Дневник изгнания...*, с. 178.

ся членом Антропософского общества²³, во-вторых, тема лекций Штейнера о России²⁴ станет основной точкой отнесения в творчестве Белоцветова. На ее соотношениях с революционными реалиями страны построит писатель свою антропософскую идею возрождения Духа народа. В это время Белоцветов следует за Штейнером, слушая его доклады в 1913 г. в Мюнхене, Нюрнберге и Лейпциге. Там также знакомится с русскими членами Антропософского общества (А.О.), постоянно находящимися в кругу слушателей лекций, а также близких приверженников Штейнера²⁵. В 1915 г. в Петрограде писатель читает собственный цикл лекций: *Над истиной и заблуждением (проблема теории знания)*, *О постоянной ценности (проблема этики)*, *Голос миров (проблема*

²³ В архиве в Гетеануме сохранился список членов А. О., относящийся к 1924 г. (причем не отдельных ее ветвей, а обширный состав разных национальностей). Под номером 445 находится следующая запись: Belozwetow Nikolai (16.06.1913, Lapad-Gruz, Jugoslavia Dalmacia) (reg. n. Wohnort) (übergetreten In die Freie A. G., F. A.. Nr 1046, Juli 1925). Archiv am Goetheanum. Akten im Besitz der AAG Akten der Anthroposophischen Gesellschaft von der Weihnachtstagung Rekonstruierte Liste der Mitglieder der Anthroposophischen Gesellschaft vor 1924.

²⁴ В 1913 г. в Гельсингфорсе Штейнер читал цикл лекций *Оккультные основы Бхагавад Гиты*, а также имело место отдельное обращение к русским слушателям названного цикла. Некоторые лекции о России, прочитанные Штейнером: Берлин 23 октября 1905 г. – *Личность и народ. Посмертная судьба русских идеалистов*; Дорнах 9 ноября 1914 г. – *Исторические особенности формирования телесной организации в России. Значение инкарнации в русском теле, ее посмертные последствия*; Берлин 17 января 1915 г. – *Откуда приходят души для инкарнации в России*; Нюрнберг 14 марта 1915 г. – *Дух русского народа не достигает отдельных индивидуумов своего народа*; Штуттгарт 12 марта 1916 г. – *Три основные черты русского народного характера*.

²⁵ О том, кто из русских присутствовал на лекциях Штейнера в 1913 г., вспоминает А. Тургенева: „В Гельсингфорсе мы остановились в той же самой гостинице, в которой предстояло жить доктору Штейнеру. Постепенно образовалась группа примерно из тридцати русских, – нечто вроде «русской провинции». (...) Среди них выделялся своим нервным возбуждением философ Бердяев, для которого Бугаев выхлопотал разрешение послушать с нами этот цикл доктора Штейнера. Невероятная смесь надежды, изумления и отрицания бурлила в нем. (...) С величайшим волнением ожидал доктор Штейнера еще один друг – Александр Поццо, за которым была замужем моя сестра. Ему предстояло увидеть доктора Штейнера впервые”. А. Тургенева, *Воспоминания о Рудольфе Штейнере и строительстве первого Гетеанума*, Москва 2002, с. 51. О русских слушателях лекций австрийского оккультиста пишет также А. Белый: „Август (1913 г. – прим. Д. О.) Мы в Мюнхене. Приезжаем дней за десять до курса и представлений мистерии; бываем у Ильиной, Екатерины Александровны, у Киселевых; знакомимся с семейством Дубах, с Кемпером, с Киселевыми (художником и его женой); из Москвы приезжают: М. И. Сизов, М. В. Волошина, Н. Н. Белоцветов, Ю. Сидоров (позднее профессор), Григоровы, Христофорова; из Петербурга – Е. И. Васильева, приезжает Т. Г. Трапезников, который только что женился, с С. П. Ремизовой (женой писателя); приезжает жена Бородаевского, сестра Ван-дре-Паальса с мужем. Узнаем подробности о подготовке закладки «Вау» в Дорнахе, об эвритмии и об основании А. О. в Москве в октябре предстоящего года (от Григоровых); узнаем печальную новость: Эллис вышел из А. О.”. А. Белый, *Материал биографический (интимный)*, в: Д. Мальмстад, *Андрей Белый и антропософия*, „Минувшее” 1992, № 6, с. 354.

религии), *Возвращение Заратустры (религиозная эстетика будущей культуры)*.

Несмотря на сложное положение Белоцветова в 1917-1920 гг. (его разыскивают „новые власти”) он участвует в работе антропософских кружков в Москве и Петрограде. В 1918 г. читает доклад в московском Антропософском обществе *О Русском Граале*, подразумевавшийся автором в дальнейшем как начало книги. В этом же году появляется замысел неоконченного романа *Михаил*. Были написаны 8 глав, изданные в 1921 г. под рабочим названием *Коммуна пролетарских миссионеров*. Взгляд писателя на современную ему Россию и ее возможную эволюцию во многом расходился с идеями московских антропософов и в 1920 г. Белоцветов со своей первой женой Марией, также антропософкой, эмигрирует в Финляндию. В 1921 г. Белоцветовы поселяются в Берлине, после приезда Белого, было основано отделение Вольной Философской Ассоциации (Вольфила), членом которого состоял Белоцветов. В берлинский период писатель много работает, публикует статьи, переводит четыре драмы-мистерии Штейнера²⁶, консультируя перевод с Марией фон Сиверс²⁷, благодаря чему эта работа является одной из самых детальных. После еще одной личной встречи со Штейнером и получения от него разрешения, Белоцветов читает цикл общественных лекций для русских²⁸. В 1926 г. печатается перевод Белоцветова двустийши из *Херувимского странника* Ангела Силезского. В 1928 г. по настоятельству супруги Белоцветова Марии они открывают у себя на квартире в Берлине антропософский кружок (секретарь Сергей Селаври). В этом кружке Белоцветов познакомился со своей второй женой Анной Федоровной Штокмар²⁹. Брак состоялся в Риге 30 июня 1933 г. О своем намерении и сам Белоцветов, и его жена извещают в письмах Сиверс. Характер этих писем довольно уникален. Белоцветов в своем письме (29 апреля 1933 г. Берлин) старается объяснить Сиверс принятое им решение. В нем непосредственно указывается, что идея бракосочетания выросла не на основе личного контекста, а на идеи совместной антропософской работы. Ту же мысль подтверждает и сама Штокмар, (письмо 1933 г.) уверяя, что Белоцветов стал для нее братом и участником в совместной антропософской деятельности. Говоря шире, контекст супружеств, заключенных в атмосфере антропо-

²⁶ Драмы-мистерии Штейнера: *Врата посвящения, Испытание души, Страж порога, Пробуждение души*. Драматические произведения Штейнера не так давно были изданы в России именно в переводе Белоцветова. См. Р. Штайнер, *Драмы-мистерии*, пер. Н. Белоцветова, Москва 2004.

²⁷ См.: письма Белоцветова к Марии фон Сиверс, хранящиеся в архиве в Дорнахе (GA). Dornach, Rudolf Steinem Archiv, Russische Briefe an Marie von Sivers: Belozvetoff, Nikolai.

²⁸ Перечень некоторых лекций, а также более обширную биографию см.: Ф. Поляков, *Вехи жизненного пути Николая Белоцветова*, в: Н. Белоцветов, *Дневник изгнания...*; а также R. von Maydell, „Vor dem Thore“...

²⁹ См.: письма к Марии фон Сиверс. (GA).

софских изысканий, интересен тем, что замечается в нем некая повторяющаяся особенность, а именно своеобразный интимный контекст, основанный не на сексуальном влечении, а на содружестве и антропософской работе. Стоит вспомнить хотя бы воспоминания Белого и его разлад с Асей Тургеневой, произошедший именно во время пребывания в Дорнахе, где велась работа над строительством Гетеанума³⁰.

Возвращаясь к Белоцветову, 1929 г. – начало работы писателя над сборником стихов *Дикий мед*. В связи с переменой политических обстоятельств антропософ со своей второй женой покидают Берлин в марте 1933 г. и поселяются в Риге. Здесь писатель ведет широкую публицистическую деятельность: основывает издательство „Саламандра”, издает газету „Слово”, журнал „Перезвоны” и ежемесячник „Мансарда”. Антропософский кружок в Риге был создан (1929) женой брата писателя Варварой Белоцветовой. В Риге Белоцветов также вел лекции и читал доклады, здесь появился в печати последний прижизненный сборник стихов *Шелест* (1936). Продолжительное время писатель был председателем рижского Антропософского общества. Однако отношения среди членов не сложились и Белоцветовы вынуждены были оставить совместную работу³¹, и после занятия Сталиным Латвии чета в 1941 г. возвращается в Германию. В 1949 г. Белоцветовы приняли католическую веру. Пережив войну, Белоцветов умер по причине онкологического заболевания в 1950 г.

Обращаясь к изданным на сегодняшний день текстам этого русского антропософского деятеля, найдем их не совсем актуальными, иногда слишком заносчивыми, но незаменимыми со стороны истории русского антропософского движения. Раскрытая усилиями Белоцветова идея Штейнера дает дополнительный аспект личного пути духовного развития писателя, а также возможности дальнейшего развития России, погруженной в революционные перемены. В принципе, эта последняя тема и становится основной для статей Белоцветова, в которых он остро противостоит антропософским кружкам в Москве и Петрограде. Та же проблема была раскрыта и в его неоконченном романе *Михаил*. Личное несогласие Белоцветова с установкой путей антропософии в новых реалиях страны, как ему казалось совершенно неприемлемых в такой форме,

³⁰ См.: А. Белый, *Материал биографический (интимный) ...*, № 6, 8, 9.

³¹ В архиве в Дорнахе находится, частичная документация Антропософского общества в Риге (Latvijas Antroposofiskā Viedģiba), действующего в первой половине XX в. Среди документов сохранилось заявление, составленное членами русской секции А.О. (Н. Яблоков, В. Шмемлинг, А. Викман, А. Бастиян, А. Тутан) 22 марта 1935 г. в Риге, в котором вышеуказанные лица констатируют о неприемлемости отношения некоторых членов общества по отношению к членам Н. и А. Белоцветовым, посвятившим, по словам подписавшихся, всю свою жизнь и все силы делу антропософии. В заявлении явно рисуется неприятная атмосфера в кругах общества, связанная также с четой Белоцветовых. Причина такового положения дел в заявлении не указана. Archiv am Goetheanum. Allgemeine Anthroposophische Gesellschaft. Korrespondenz mit Ländern, Gruppen und Einzelmitgliedern Lettland (1925-1939). A.02.016.001.

отразилось в статьях писателя, в которых раскрывалась теория „странничества”. В *Положительном смысле эмиграции* Белоцветов писал:

Мировое зло вошло в Россию. Русское добро, то добро, которое живет в русских душах, должно войти в мир и этим создать противовес разрушительным силам большевизма. (...) Дух нашего времени требует от нас всемирности. (...) По воле этой судьбы мы стали против воли такими же странниками, как те русские странники, которые исстари блуждали по нашей необъятной стране в поисках Божьей Правды. (...) И вот это-то русское странничество и стало ныне реальной судьбой эмиграции³².

Автор считал, что самоуверенность русских антропософов привела к стагнации в развитии антропософской идеи в России. Занятые раскрытием своего личного ‘Я’, они забыли о работе над развитием души русского народа, о которой неоднократно упоминал Штейнер во время лекций в Гельсингфорсе: „От этой русской народной души я знаю, что она тоскует по духу, который находит выражение в теософии. (...) Я говорю о чувстве ответственности потому, что вы, мои милые теософские друзья, – дети этой русской народной души. Она царит и действует в вас, и вы отвечаете перед ней. Ответственность, сумеете научиться ей!”³³. Под термином русской народной души Штейнер понимал основной характер народа, имеющего своего предводителя, Архангела, с которым совокуплена народная душа, Штейнер называет ее существом. Несмотря на то, что это существо связано с отдельными душами людей, относящихся к данному народу, само по себе является обособленным космическим естеством, с которым человек держит связь во время бодрствования, или как описывает это Штейнер, „во время погружения в физическое тело”. Облекаясь плотью, мы погружаемся в определенную часть народной души, в какой-то степени нас определяющей. В астральном теле она окрашивает наш характер, дает определенное направление нашему чувству. Таким образом, народная душа действует на человека в каждом состоянии его пребывания: во время бодрствования влияет на физическое и эфирное тело, во время сна – на тело астральное. „Ведь русская народная душа (...) имеет ранг Архангела, а Архангел не прикован к месту, он – существо надпространственное”³⁴. Именно русская душа, должна в дальнейшем, как утверждал Штейнер, предводительствовать остальным народам в процессе трансформации в новую духовную сущность. Отсюда завет ответственности становится ярким призывом для русских антропософов,

³² Н. Белоцветов, *Положительный смысл эмиграции*, в: тот же, *Дневник изгнания...*, с. 181.

³³ Из обращения Штейнера к русским слушателям лекционных курсов в Гельсингфорсе в 1912 г. См.: Р. Штейнер, *О России. Из лекций разных лет*, Санкт-Петербург 1997, с. 17.

³⁴ Р. Штейнер, *Тело духа народа*, в: тот же, *О России...*, с. 42.

раскрывая их важную роль в будущем. Понятно, что такое положение вещей определяют особое пространство предназначения, влияющее на воображение человека. Белоцветов утверждал, что идея Штейнера осталась непонятой русским А. О. Отсюда вся надежда возлагалась на иммиграционные общества, как последний бастион рыцарей русской народной души. Соединяя ее с понятием русского странничества, писатель возобновлял контекст спасительного воздействия. Именно он, отвергнутый странник, будет нести идею восстания души народа силами русской эмиграции. Идеалы антропософского „странника” не провозглашались лишь общими понятиями, но также, а может даже прежде всего, Белоцветов намечал определенные этапы дальнейшего развития революционной России и свое отношение к этому развитию. В брошюре *Пути России*, изданной в Берлине в 1921 г. он писал:

Нам кажется, что наиболее правильно разделить и рассмотреть отдельно области – чисто политическую и экономическую. (..) Не будет смелым предположение, что в первые, по крайней мере, годы эта политическая работа может пойти почти независимо от экономического переустройства (...). Далее, новая Россия, как бы она не сложилась, едва ли будет в состоянии создать сразу надежную валюту для международных расчетов, и потому на первое время, параллельно с валютой для внутреннего употребления, получат признание расчеты в заграничной валюте; такой параллелизм в пользовании валютами неизбежен³⁵.

Удивляет своей неожиданностью трезвый, прогностический взгляд автора на Россию после 1917 г. Здесь Белоцветов не идет путем рассмотрения реального через антропософские термины, но имея их в виду, раскладывает день насущный на определенные элементы и составляет из них будущее. Иначе и быть не могло, ведь то, с чем столкнулась Россия, во что ее воплотили и являлось, по мнению Белоцветова, тем переходным периодом, который способствует возрождению, являлось точкой отсчета, которая предполагала развитие идеи предводительства народам. Именно она, Россия – сущность духовного возобновления, должна подытожить свою трансформацию путем разбитой целостности, единой монументальной связанности идеи и бытия, должна окунуться во мрак, чтобы, преодолев его пагубное влияние, вырастить на своей груди новых носителей мировой идеи. Отсюда рождаются у Белоцветова не страх за создания, а вера в логику процесса перевоплощения, причем процесса, возросшего на идеях антропософии. В статье он утверждает:

Но есть существенные различия между странником былых времен и странником-эмигрантом. Странник былых времен блуждал лишь по русской земле и

³⁵ Н. Белоцветов, *Пути России...*, с. 3, 5.

искал только русскую правду, тогда как странник-эмигрант призван блуждать по всему миру и искать правду не народную, а сверх-народную. Того требует дух времен. И только следуя этому призыву, мы выявляем свою сокровенную русскую сущность. И только становясь странником, эмигрант становится и до конца русским, хотя он и блуждает не по своей родной стране, а по всему миру³⁶.

Дистанция, подразумевающая возможность возобновления на пути индивидуации русской личности через воззрения на нее сбоку, дает право, как считал Белоцветов, на полноценное переименование действительности, находящейся в состоянии стагнации. С другой стороны, разве не повторяет это завет самого Штейнера – несения антропософии за пределы посвященной личности и тайных обществ, за что Александр Блок и назвал австрийского оккультиста изменником³⁷. Значит здесь происходит борьба уже не только на уровне возрождения новой России, но и на уровне контекста процесса посвящения. Обвинение, выдвинутое Белоцветовым по адресу А.О., заключалось именно в том, что также общество попало в круг пустых слов и канонических действий, тогда как именно живая зависимость между элементами дает возможность процветания исконной мысли и реализации истоков воплощения. Подталкиваемый такой мыслью Белоцветов пишет несколько глав из романа *Михаил*. Несмотря на всю появившуюся в романе жесткость по отношению к прототипам персонажей, поскольку именно на его страницах автор высмеивает современных ему антропософских деятелей в России (Белого, Сабашникову)³⁸, видна здесь и сентиментальность, хотя бы в описании интерьера ложи Ангела Филадельфийского:

Обои в комнате были розовые, также и кафедра была обтянута розовым крепом. Перед кафедрой стояло несколько рядов мягких, красного бархата стульев. Вдоль стен тянулись полки с мистическими книгами, подаренными ложе Скалдиным и составлявшими гордость братства. За кафедрой висел портрет учителя, лицо которого Михаил мог изучать часами, находя в нем все новые и новые черты. Над портретом учителя висела Тайная Вечеря Леонардо; в углу же, вместо иконы, виднелось изображение Ангела Филадельфийского, смутно напоминавшее Михаилу утраченную иконку (...)³⁹.

³⁶ Н. Белоцветов, *Положительный смысл эмиграции...*, с. 182.

³⁷ А. Блок, *Дневники 1901-1924*, в: тот же, *Собрание сочинений*, т. 7, Москва-Ленинград 1963, с. 210.

³⁸ См.: R. von Maydell, „Vor dem Thore“....

³⁹ Н. Белоцветов, *Коммуна пролетарских миссионеров...*, с. 73.

Созвучность в описании помещения, в котором проходил мюнхенский конгресс Теософского общества в 1907 г.⁴⁰ и история Белого о том, как он получил фотографию Штейнера, и чем в действительности она для него являлась⁴¹, – все это с одной стороны удваивает мрачность созданной автором действительности, с другой указывает на источник происхождения „спасительной” мысли – идеи Штейнера. Изувечить предсказанное, означает для Белоцветова то же, что сказать громкое ‘да’ для Антихриста, который в романе непосредственно не появляется, но намечается благодаря символике слов героев и ведет к произведению Владимира Соловьева *Краткая повесть об Антихристе*. Свою идею современной и будущей России автор связывает именно с „отцом” русского символизма, личность которого раскрывает в статье *О смерти и воскресении русской культуры*:

У многих русских мыслителей имелись предчувствия той великой трагедии, через которую предстояло пройти России. Особенно сильны были эти предчувствия у Достоевского. Но действительно пророческой силы достигают они у Владимира Соловьева.

Можно по праву рассматривать Соловьева как прототип русской души: в своей судьбе, в своих предсмертных чаяниях он предсказывает путь будущей русской культуры⁴².

Здесь автор повторяет мнение Штейнера, провозглашавшего Вл. Соловьева носителем русской духовности. Для Белоцветова несомненна необходимость воплощения смысла в забытых проповедях предыдущих столетий, процесс, который удался Соловьеву (его он видит парящим и нисходящим в духовную сущность⁴³), дает контекст для грядущего космического сознания. Через это сознание, воплощающееся в народной душе, Россия станет во главе процессии, понимаемой как путь соединения духовного Востока с разумным Западом. Такая „всемирность” является единственно возможной перспективой будущих духовных народов. Таким образом, опираясь на идеях Штейнера и Соловьева, писатель рисует свой собственный план трансформации. Не находя поддержки в кругах А. О. он отстраняется от них и в последствии ис-

⁴⁰ Цветовая символика помещения, приготовленного Штейнером для мюнхенского конгресса, важна по той причине, что стала она отправной точкой для последующих разработок цветовых теорий, употребленных в последствии также при строительстве Гетеанума. История мюнхенского конгресса была хорошо известна русским антропософам. См.: В. Wiśniewska-Paź, *Spółeczny wymiar obiektu Goetheanum w Dornach i jego sensy edukacyjne*, Wrocław 2002, s. 104.

⁴¹ См.: D. Oboleńska, *Путь к посвящению...*

⁴² Н. Белоцветов, *О смерти и воскресении русской культуры*. (Владимир Соловьев, Россия и эмиграция), в: тот же, *Дневник изгнания...*, с. 187.

⁴³ Интересно, что в *Коммуне пролетарских миссионеров* главный герой Михаил именно парит в высотах идеи, но не сходит на землю, по причине люциферической мечтательности.

пользует против них силу всевозможной критики. Странник-эмигрант строит собственный путь посвящения для себя и для России, прогнозирует будущее русской духовности, повторяя слова Штейнера: „Таким видим мы Михаила (Штейнер имеет ввиду Архангела Михаила – прим. Д. О.), а в его свите – множество русских душ, сражающихся за чистоту духовного горизонта в жестокой битве с душами, приходящими с Запада и приносящими резко очерченные образы фантазии. Они должны быть рассеяны, растворены. Мы видим, как уже с последней трети XIX века подготавливается эта битва между Востоком и Западом (...)”⁴⁴.

В понимании Белоцветова слова эти должны звучать как призыв, должны возбуждать восприятие русской духовности. Возможность осознания собственного элемента бытия, то есть совокупления с двойником из зеркала, ведет к углублению контекста предназначенного нам пути раскрытия духовности.

В письме к Сиверс в октябре 1932 г.⁴⁵ Белоцветов сообщает о том, что два года тому назад им была написана книга и что на сегодняшний день есть на нее спрос, отсюда в скором будущем она будет издана. Действительно, в 1932 г. вышла в печати брошюра *Духолюбие*. Как настаивал автор в том же письме, книга предназначалась для простых русских людей и должна была являться своеобразным мостом, перекинутым между ними и антропософией. Белоцветов подчеркивает также, что написал ее простым, даже простонародным языком, не искажающим однако истины антропософии. Здесь были собраны самые основные мысли автора по поводу идеи антропософии, современного состояния России и прогноза на будущее. Эта брошюра завершает цикл высказываний Белоцветова, и становится своеобразным резюме. Уже в предисловии автор пишет:

Для простых русских людей написана эта книга, для людей, не умудренных наукою, но честно ищущих правду⁴⁶.

Антропософ пытается собрать новый круг людей, не относящийся, или лучше сказать, не искаженный „русской антропософией” и заново провозгласить истинную, как ему кажется, идею Штейнера. Людей, посвященных в жизнь духа, Белоцветов называет духолюбями и призывает их, чтобы подняли русский народ против духовного забвения, поскольку именно Россия должна в будущем шестом царствии предводительствовать народам:

⁴⁴ Р. Штейнер, *Человек и его отношение к духам народов в бодрствовании и во сне. Отношение духа народа к отдельным индивидам во Франции и России*, в: тот же, *О России...*, с. 49.

⁴⁵ Dornach (GA), Rudolf Steinem Archiv, Russische Briefe an Marie von Sivers: Belozvetoff, Nikolai.

⁴⁶ Н. Белоцветов, *Духолюбие...*, с. 4.

Духоблюбие, это – как бы семя шестого царства, которое придет еще очень не скоро. Этим шестым царством должна стать в будущем наша Россия⁴⁷.

В конце своей работы автор подытоживает и брошюру и, в принципе, свои нововведения в остальных изданных раньше статьях и неоконченном романе. Выявляет контекст придуманной им Ложи Ангела Филадельфийского в *Коммуне пролетарских миссионеров*:

Именно об этом шестом царстве, о грядущей России, и говорится в Откровении Иоанна, как о Церкви Филадельфийской, наиболее угодной Господу. (...) И это будет совсем иная жизнь, чем наша нынешняя. Духовное просвещение, государственное правление и народное хозяйство не будут зависеть друг от друга и не будут мешать друг другу как у нас в наше время⁴⁸.

Смотрящий только в будущее Запад и запоздалый в прошлом Восток при соединении дадут идеальную масштабную единицу самобытности, понимаемой как полное и исконно духовное бытие. Отсюда воплощению космического элемента сопутствует процесс первоначального возобновления хаоса как зачаточный иницируемый толчок к лемнискате последующих действий. Все это отчетливо проступает и в словах Белоцветова. С дугой стороны рождается вопрос, насколько адекватен такой подход к истине посвящения. Обращаясь к общей истории тайных орденов, проступает определенная зависимость между тайным знанием и его недоступностью для широких масс. Белоцветов, создающий карикатуру Белого в *Коммуне пролетарских миссионеров*, не принадлежал, в отличие от русского символиста, к кругу близких учеников Штейнера. Стоит упомянуть и о том, что мимоходом Белый проговаривается в своем причастии к еще более замаскированному кругу учеников, к которому принадлежали самые неличные индивидуальности⁴⁹. Отзывы русских антропософов о том, что существовала огромная разница между словами Штей-

⁴⁷ Там же, с. 27. Штейнер утверждал, что весь процесс эволюции человека состоит из 7 этапов, которые Белоцветов называет царствами. Сегодня мы находимся в пятом царствии, подчиненном прежде всего материи. Равноценно это влияние перемещению вниз по лемнискате, а последующее ожидаемое повышение будет наблюдаться в царствии шестом. Вся брошюра Белоцветова была построена на своеобразном подведении итогов со слов Штейнера, поэтому в конце автор приводит все использованные им книги Доктора: *Духоведение* (1927), *Как достигнуть познания высших миров* (1928), *Мистика на заре духовной жизни нового времени и ее отношение к современным мировоззрениям* (год публикации не указан), четыре драмы-мистерии в переводе самого Белоцветова (1930).

⁴⁸ Там же, с. 27.

⁴⁹ См.: D. Oboleńska, *Путь к посвящению...*

нера, произносимыми за кафедрой, и их печатной версией⁵⁰, повторяет все тот же вопрос, каким образом сам Белоцветов осознавал услышанное. Перевод драм-мистерий Штейнера не может здесь дать адекватного ответа. Непосредственный вывод перебивают консультации с Сивер. В таком случае, стоит ли безоговорочно воспринимать „видения” Белоцветова, а может необходимо рассматривать их только в контексте русского антропософского движения в целом. Возможно, следовало бы понимать автора через призму особого рода проявления системы символики тайного знания. Преподнося читателю конкретные антропософские смыслы, Белоцветов приводит их очевидную картину, перерисовывает форму, отображает извечные символы как кальки, не внося смысловых оттенков. Вибрирующие силуэты строят конструкцию на тех же знаковых принципах, одетых в антропософскую оболочку, а понимание их истоков остается ненарушенной поверхностью их бытия.

SUMMARY

Anthroposopher – traveller Nikolai Belotsvetov

The article reminds the figure of Nikolai Belotsvetov – Russian writer, translator, anthroposopher and emigrant, who started create his works in the beginning of XX century. In his journalistic texts and unfinished novel *Michael* Belotsvetov – traveller, as he called himself – tried to reflect anthroposophic idea of the Russia’s evolution and its future perfection. Belotsvetov based his vision of the new country on the concept of national soul, proposed by Austrian occultist Rudolf Steiner.

⁵⁰ См.: там же. В своих воспоминаниях о Штейнере Белый неоднократно повторяет мысль: „И повторяю опять: он сильнее всего говорил тогда именно, когда слова уже были исчерпаны”. (Курсив Белого). А. Белый, *Воспоминания о Штейнере*, Москва 2000, с. 263.